ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ

ЧЕТВЕРГЪ, 18 ІЮНЯ 1931
JEUDI, 18 JUIN 1931

НОМЕРЪ ВО ФРАНЦІИ 50 САНТ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ П. Н. МИЛЮКОВА

Quotidien Russe "LES DERNIERES NOUVELLES", Directeur: P. N. MILIOUKOV

LE NUMERO EN FRANCE 50 cent.

ЧЕТВЕРГЪ, 18 ІЮНЯ 1931
JEUDI, 18 JUIN 1931

№ 3739

12-e ANNEE

169

ABONNEMENT AUX "DERNIERES NOUVELLES"
(Partant du 1 et 16 de chaque mois)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА „ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ"
(съ 1-го и 16-го каждаго мѣсяца)

	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ
Въ Франціи . . France . . .	14	40	75
За-границей . . Etranger . . .	25	70	135

Перемѣна адреса — 1 фр. — Changement d'adresse — 1 fr.

Подписка принимается въ Парижѣ въ конторѣ газеты и въ ея отдѣленіяхъ, а также во всѣхъ почтовыхъ отдѣленіяхъ.
Цѣна № въ Парижѣ и пригородахъ — 50 сант.
За-границей — 60 сант.
Цѣна № въ отдѣленіяхъ конторы газеты — 50 с.

Адресъ Конторы и Редакціи
51, Rue de Turbigo, 51 — Paris III (Métro: Arts et Métiers)

Телефонъ редакціи . . . TURBIGO 81-82
" конторы . . . ARCHIVES 85-00
" отдѣленій . . . ARCHIVES 84-93 и сейф.

Ночной телефонъ редакціи (после 9 час. вечера):
PROVENCE 57-47

Телеграфный адресъ: Adresse Milioukov
DERNOUVED PARIS 03

№ 3739

169

Парижъ, 18 іюня 1931 г.

Подъ знакомъ кризиса

Кто будетъ назначенъ посломъ въ Москву

Сокольниковъ учитъ англичанъ уму-разуму

С. 2

Какъ писалось „Преступленіе и Наказаніе"

«Могу-ли я надѣяться помѣстить въ январскомъ журналѣ «Русскій Вѣстникъ» мою повѣсть? — спрашивалъ Достоевскій М. Н. Каткова въ письмѣ изъ Висбадена, въ сентябрѣ 1865 г. — Я пишу ее здѣсь уже два мѣсяца и теперь окончаніе. Въ ней будетъ отъ пяти до шести печатныхъ листовъ. Работы остается еще недѣли на двѣ, даже можетъ быть и болѣе». Эта повѣсть — «Преступленіе и Наказаніе», превратившаяся въ процессѣ работы въ большой романъ. Окончена она была гораздо позже, чѣмъ предполагалъ Достоевскій. Какъ всегда у него, романъ писался сбивчиво, кусками, подъ «кнутомъ» необходимости доставить къ сроку продолженіе, хотя условія работы надъ «Преступленіемъ и Наказаніемъ» были все-таки для него лучшими, чѣмъ для другихъ книгъ.

«Да занимательность ручаюсь, — читаетъ въ этомъ же письмѣ, — о художествѣ пусть исполненіе не беру на себя судить. Мнѣ слишкомъ много случалось писать весь, очень дурныхъ вещей, торопясь къ сроку и пр. Впрочемъ, эту вещь я писалъ передовую и съ жаромъ. Постараюсь, хотя бы для себя только, кончить ее какъ можно лучше». Занимательности сюжета Достоевскій неизмѣнно придавалъ большое значеніе, и извѣстно, какое вліяніе на построеніе его романовъ оказали французскіе «романы - фельетоны».

Въ «Преступленіи и Наказаніи» онъ дѣлалъ и «современность» сюжета. Излагая вкратцѣ содержаніе своей «повѣсти», Достоевскій указываетъ, что въ этомъ «psychologическомъ отчетѣ одного преступленія» — «Вопросъ правды, земной законъ берутъ свое, и убійца кончаетъ тѣмъ, что принужденъ на себя донести, принужденъ, чтобы, хоть погибнуть на каторгѣ, принадлежать опять къ людямъ; чувство разомкнутости и разъединенности съ человѣчествомъ, которое онъ ощутилъ тотчасъ же по совершеніи преступленія, закучило его. Въ повѣсти моей есть, кромѣ того, — продолжаетъ Достоевскій, — мысль на ту мысль, что наказаніе за преступленіе гораздо меньше устрашаетъ преступника, чѣмъ думаютъ законодатели, потому что онъ и самъ его нравственно требуетъ. Это вздоръ и даже на самыхъ развитыхъ людяхъ, на самой грубой случайности. Выразить мнѣ это хотѣлось именно на развитомъ, на новаго поколѣнія человѣкѣ, чтобы были легче и осязательнѣе видна мысль. Нѣсколько случаевъ, бывшихъ за самое послѣднее время, убѣдили, что сюжетъ мой вовсе не эксцентрическій (именно, что убійца развитой и даже хорошо настроенный человѣкъ). Мнѣ разсказывали прошлаго года въ Москвѣ объ одномъ студентѣ, выключенномъ изъ университета послѣ московской студенческой исторіи, что онъ рѣшился разбить почту и убить почтальона. Есть еще много слѣдовъ въ нашихъ газетахъ о необыкновенной шаткости понятій подвергающихъ на ужасныя дѣла. (Тотъ семинаристъ, который убилъ дѣвушку не грошу съ ней въ сараѣ, и котораго взяли черезъ часъ за завтракомъ и проч.). Однимъ словомъ, я убѣжденъ, что сюжетъ мой отчасти опрадываетъ современность».

Новый выпускъ «Архива Ф. М. Достоевскаго» *), заключаючій черновые матеріалы «Преступленія и Наказанія», позволяетъ установить, хотя далеко не по всѣхъ деталяхъ, процессъ созданія романа. Сохранились три записныя книжки съ черновыми набросками, варіантами и очерками, къ нему относящимися. Достоевскій не сразу остановился на той формѣ, въ которую окончательно вылился романъ. Въ первой «Записной книжкѣ» читаемъ: «Разсказъ не отъ себя, а отъ него. Если же исповѣдь, то ужъ слишкомъ до послѣдней крайности надо все уяснить. Чтобы каждое мгновеніе разсказа все было ясно. Исповѣдь въ иныхъ пунктахъ будетъ не убѣдительна, и трудно представить, для чего написана. Но отъ автора. Нужно слишкомъ много наивности и откровенности. Предположить автора существомъ всевѣдущимъ и непогрѣшимымъ, выставляющимъ на видъ одного изъ членовъ полного преступленія». Достоевскій намѣчалъ нѣсколько возможныхъ формъ разсказа: — отъ автора, отъ имени героя въ видѣ его дневника и отъ его же имени въ видѣ воспоминаній. Проектировалъ онъ и смѣшанную форму, частично отъ автора, частично отъ героя.

Мысль изложить исторію преступленія Раскольникова отъ его собственнаго лица очень привлекала Достоевскаго. Въ первой записной книжкѣ находимъ довольно большой отрывокъ, въ формѣ исповѣди Раскольникова. Во второй книжкѣ почти 70 страницъ написаны въ видѣ его дневника. Достоевскій бросилъ эту форму, но использовалъ почти цѣликомъ наброски первыхъ четырехъ главъ для окончательной редакціи романа. Здѣсь мы находимъ, между прочимъ, знаменитый разсказъ Мармеладова не только въ его основѣ, но и въ многихъ деталяхъ. Сопоставленіе начальной редакціи этихъ знаменитыхъ страницъ Достоевскаго съ рукописнымъ текстомъ показываетъ, какъ много усилій вкладывалъ авторъ, чтобы написать «какъ можно лучше». «Масса поправокъ, записей на поляхъ, подчеркиваній, надписей, перестановокъ словъ и т. д. — замѣчаетъ проф. И. Гливенко, подготовившій къ печати «матеріалы», — указываютъ на не обычайно напряженную и кропотливую работу». Результатомъ этого труда Достоевскій чрезвычайно дорожилъ и предупреждалъ Каткова: «Если вы намѣрены печатать романъ мой, то покорнѣйше прошу редакцію «Русскаго Вѣстника» не дѣлать въ немъ никакихъ поправокъ. Я ни въ какомъ случаѣ не могу на это согласиться».

Защищалъ Достоевскій неприкосновенность не только формы, но и идей своего произведенія. Въ процессѣ творчества его содержаніе расширялось. Психологическая повѣсть объ одномъ преступленіи превращается въ романъ, въ которомъ авторъ хочетъ «перерыть всѣ вопросы». Въ третьей записной книжкѣ онъ такъ опредѣляетъ «идею романа»: «Православіе возможное, въ чемъ есть православіе. Нѣтъ счастья въ комфортѣ. Потушается счастье страданіемъ. Человѣкъ заслуживаетъ свое счастье и всегда страданіемъ. Тутъ нѣтъ никакой справедливости, но внутреннее знаніе и сознаніе (т. е. непосредственно чувствуемое тѣломъ и духомъ, т. е. жизненнымъ всѣмъ процессомъ) пріобрѣтается опытомъ pro и contra, которое нужно перетащить на себя». Эту же мысль въ другомъ мѣстѣ Достоевскій выражаетъ устами Сони: «Въ комфортѣ-то, въ богатствѣ-то — говорить она Раскольникову — вы бы можетъ ничего не увидѣли изъ бѣдствій людскихъ. Богъ того любитъ, на кого много надѣемся, посылаетъ тому много не счастій, чтобы онъ по себѣ больше узналъ и больше увидѣлъ, потому что въ несчастьѣ больше въ людяхъ видно, чѣмъ въ счастьѣ».

— А, можетъ, и Бога нѣтъ? — говоритъ онъ ей.

Она хотѣла было возражать, но вдругъ запыхала: «Ну, что же бы и безъ Бога была?»

Эту репліку о Богѣ находимъ въ окончательной редакціи романа, но въ другомъ контекстѣ. Раскольниковъ задаетъ Соню этотъ свой жестокій вопросъ, когда она говоритъ, что Богъ не допуститъ такого ужаса, чтобы ея маленькая сестра пошла по ея собственной дорогѣ. Соня ничего не отвѣчаетъ Раскольникову, только «лицо ея вдругъ страшно измѣнилось: по нѣкоторомъ прибѣжали судороги. Съ невыразимымъ укоромъ взглянула она на него, хотѣла было что-то сказать, но ничего не могла выговорить и только вдругъ горько - горько зарыдала, закрывъ лицо руками». Это одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, какъ использовались предварительныя замѣтки для окончательнаго текста.

«Православныя воззрѣнія» не стали главной идеей романа, но получили большое развитіе и заняли столь же видное мѣсто, какъ и та мысль, о которой Достоевскій писалъ Каткову, другая идея — о правѣ «необыкновеннаго человѣка разрѣшать свой совѣсти перешагнуть черезъ иныя препятствія». Преступленіе Раскольникова и есть его проба себя на роль Наполеона, которому все дозволено. Эта идея развитъ въ романѣ съ большой полнотой, особенно въ двухъ главахъ — въ вечерѣ у Порфирія и въ той бесѣдѣ съ Соней, когда Раскольниковъ признается ей въ убійствѣ.

Записныя книжки показываютъ, что Достоевскій разрабатывалъ образъ Раскольникова, мотивы и послѣдствія его преступленія въ двухъ направленіяхъ. Раскольниковъ убиваетъ, чтобы вывести себя и семью изъ тяжелаго положенія и имѣть возможность дѣлать добро людямъ. Но онъ страдаетъ отъ того, что убилъ. Раскольниковъ убиваетъ, чтобы попробовать, принадлежитъ ли онъ къ людямъ, имѣющимъ право «дать себѣ разрѣшеніе перешагнуть черезъ кровь». Но онъ страдаетъ отъ того, что раскаивается въ убійствѣ. Повидимому, — отмѣчаетъ И. Гливенко, — Достоевскій чувствовалъ нѣкоторую раздвоенность фигуры героя и необходимость ее устранить. Въ замѣткѣ, сдѣланной крупными буквами «Главная анатомія романа», Достоевскій пишетъ: «Непремѣнно поставить ходъ дѣла на настоящую точку и уничтожить неопредѣленность, т. е. такъ или этакъ объяснить убійство и поставить его характеръ и отношенія ясно». О разработкѣ образа Раскольникова въ двухъ направленіяхъ, которыя Достоевскій стремился свести къ «настоящей точкѣ», свидѣтельствуютъ цѣлый рядъ замѣтокъ, дающихъ характеристику героя. Множество разъ подчеркивается здѣсь гордость, какъ одна изъ главныхъ, если не главная черта Раскольникова. «Въ его образѣ выражается въ романѣ мысль непомѣрной гордости». Какъ слѣдствіе гордости, — презрѣніе и ненависть къ людямъ, съ одной стороны, и желаніе власти надъ ними, съ другой. «Кто идея, — сказано въ одной изъ замѣтокъ, — взять во власть это общество. Деспотизмъ его черта... Онъ хочетъ властвовать и не знаетъ никакихъ средствъ. Посмотрѣ взять во власть и разбогатѣть. Идея убійства и пришла къ нему готовая». «Счастье есть власть».

Но въ записныхъ книжкахъ есть и цѣлый рядъ замѣтокъ, гдѣ отмѣчаются черты Раскольникова значительно смягчаются. Онъ идетъ на преступленіе ради матери и сестры и не только ради нихъ. «Я не такой человѣкъ, чтобы допустить мерзавцу убить безащитную слабость. Я вступаюсь. Я хочу вступиться. А для этого взяти хочу». «Что-жъ, если совѣсть меня не обманетъ, и власть беру, и силу добываю — деньги ли, власть ли не для худого. Я счастье несу. Что-жъ, изъ за нечтожной перегородки стоятъ, смотрѣть по ту сторону перегородки, замаскоть, ненавидѣть и стоять неподвижно! Нѣтъ это!»

Такъ, медленно, сложными и запутанными путями, изъ противорѣчивыхъ чертъ и догадокъ складывался постепенно у Достоевскаго окончательный образъ Раскольникова, въ которомъ онъ, все таки, окончательно не устранилъ «неопредѣленность».

Записныя книжки показываютъ рядъ характерныхъ особенностей творческаго процесса Достоевскаго. «Художникъ настойчиво отмѣчаетъ какой-нибудь моментъ, черту, повторяя ихъ неоднократно, какъ бы фиксируя на нихъ свое вниманіе». Такъ, поразительный по силѣ, страшный сонъ Раскольникова въ первой части романа, очевидно, долго преслѣдовалъ Достоевскаго. Онъ нѣсколько разъ пишетъ въ книжкахъ слово «Сонъ», подчеркивая его и придавая ему особое значеніе.

Предварительные наброски показываютъ на рядъ эпизодовъ и моментовъ романа, которые или не вошли въ окончательную редакцію или подверглись очень радикальнымъ измѣненіямъ. Такъ, Достоевскій давалъ разные варіанты зарожденію любви между Раскольниковымъ и Соней и разныя возможности въ проявленіи этого чувства. Три записи говорятъ о письмѣ Сони къ Раскольникову. «Съ ней начинается такъ, — читаемъ въ одной изъ нихъ. — Онъ говоритъ ей о ея ужасномъ положеніи на улицѣ, о томъ, что случиться судьбы нельзя, о рутинѣ и прочее. Онъ получаетъ отъ нея письмо, сходится съ ней у Мармеладовой, обходится грубо, чтобы не дать ей замѣшаться въ себя. На другой день еще письмо (ни какой любви, но въ то же время робко)». Въ этомъ набросѣ рѣчь идетъ даже о двухъ письмахъ. Другая запись говоритъ и о содержаніи письма. «Она написала ему, наконецъ, письмо: «Любви, буду вашъ рабъ». Она пѣшкомъ его гордостью и независимостью и противнѣю того, что она не унижена». Затѣмъ слѣдуетъ помѣтка: «Ея письмо художественно. Онъ идетъ къ ней послѣ этого письма. Конечно ей. Она отвѣтствуетъ». Письмо Сони осталось, какъ извѣстно, только въ замыслѣ.

Среди многихъ брошенныхъ варіантовъ былъ и совершенно иной, чѣмъ въ окончательной редакціи, проектъ конца романа. Крупными каллиграфическими буквами въ одной изъ книжекъ написано: «Финалъ романа. Раскольниковъ застрѣлится идетъ».

Записныя книжки «Преступленія и Наказанія», какъ и аналогичные матеріалы для другихъ романовъ (мы писали недавно о процессѣ создѣнія «Идіота»), дѣйствительно, вводятъ насъ въ творческую лабораторію Достоевскаго.

Р. Сальдовъ.

*) Изъ архива Ф. М. Достоевскаго. "Преступленіе и Наказаніе". Неизданные матеріалы. Госиздатъ. Москва, 1931 г. Стр. 217.